VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

Православные Храмы

путешествие по святым местам

Никольский собор
Николо-Шартомский монастырь
(Ивановская обл.)

№ 74

Рождение шедевра
Несчастье помогло

Через века
Третьеклассный монастырь

Судьбы
Краевед-самоучка

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 16 900 бел. руб., 290 тенге

Еженедельное издание

ISSN 2304-0068
00074
9 772304 006774

Оглавление

Эпоха

Иов Железо — 3

Рождение шедевра

«Неизвестная рука положила основание...» — 4

Через века

В монастырском контексте — 6

Святыни

Шуйская-Смоленская — 12

Облик

«Строгость и красота...» — 14

Окрестности

Богатые шуйские села — 20

Судьбы

Старец Иоаким — 24

«Любовь моя к древности...» — 27

Современная жизнь

«Все здесь было бы мертвым...» — 30

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Николо-Шартомский монастырь; 3: (лев.) © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (прав.) © Boris Breytman/Фотобанк Лори; 4: © Рудольф Кучеров/РИА «Новости»; 5: (лев.) © Fine Art/EastNews, (прав.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 6: © Николо-Шартомский монастырь; 6/7: (на развороте) © Николо-Шартомский монастырь; 7: (верх) © Fine Art/EastNews, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 8: (верх) © Николо-Шартомский монастырь, (центр) © Fine Art/EastNews, (низ) © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 9: (лев.) © Николо-Шартомский монастырь, (прав.) © Вячеслав Окапи/Фотобанк Лори; 10: (обе) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 10/11: (на развороте) © Николо-Шартомский монастырь; 11: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 12: © Николо-Шартомский монастырь; 13: (верх) © Николо-Шартомский монастырь, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 14: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Яков Филимонов/Фотобанк Лори; 15: (верх, обе) © Николо-Шартомский монастырь, (центр, обе и низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 16/18: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 19: © С. А. Рубис; 20/21: (на развороте) © Николо-Шартомский монастырь; 21/23: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 24: © Николо-Шартомский монастырь; 25: (лев.) © lana1501/Фотобанк Лори, (верх, прав.) © Николо-Шартомский монастырь, (центр, прав.) © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 26: (верх) © Fine Art/EastNews, (низ) © Ирина Майорова/Фотобанк Лори; 27: (лев.) © Борис Панасюк/Фотобанк Лори, (прав.) © Николо-Шартомский монастырь; 28: (верх) © Виктор Пелих/Фотобанк Лори, (центр) © Nikolay Sukhorukov/Фотобанк Лори; 29: © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 30: © Николо-Шартомский монастырь; 31: (верх) © С. А. Рубис, (низ, обе) © Николо-Шартомский монастырь.

Уважаемые читатели! Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

**«Православные храмы.
Путешествие по святым местам»**
Выпуск № 74, 2014
Еженедельное издание

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция:
ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва,
ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Старший редактор: Дарья Клинг
Фоторедактор: Дарья Соколова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук
Младший менеджер по продукту: Яна Чухиль

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ru**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 600001, г. Владимир, а/я 30, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам». Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ООО «Бурда Дистрибьюшен Сервисиз»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-47591 от 02.12.2011

УКРАИНА
Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес:
01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ua**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в Украине:
0-800-500-8-40

Адрес для писем читателей:
Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Україна, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Министерства юстиции Украины КВ № 18402-7202Р от 07.12.2011

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк», 220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 (17) 331-94-41

Телефон «горячей линии» в РБ (9:00—21:00 по будням):
+ 375 (17) 279-87-87

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224, ООО «Росчерк», «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 16 900 бел. руб., 290 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг», 08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 300 000 экз.

© ООО «Де Агостини», 2012—2014

Текст: Ксения Толоконникова, Александр Панфилов

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 04.02.2014

Иов Железо

В 1651 году, когда — согласно общепринятой версии, в настоящее время поставленной под сомнение, но об этом позднее, — в Николо-Шартомском монастыре был освящен первый каменный храм, на Волыни почил о Господе преподобный Иов, настоятель Почаевского монастыря.

Свой нынешний вид Почаевская Лавра обрела уже после смерти преподобного игумена.

Заслугу монастырей в сохранении православия, оказавшегося в Речи Посполитой после Брестской унии 1596 года фактически вне закона, переоценить сложно. А. В. Карташев в связи с этим пишет: «Кроме древнего киевского центра, монашеская жизнь в литовско-польской русской Церкви не была достаточно живой и цветущей. Под давлением гонений она явно проснулась и оживилась. Хотя в унию и была захвачена почти половина всех монастырей, но они обезлюдели и стали для униатов лишь доходными хозяйственными предприятиями, в то время как православные монастыри возросли в числе своих насельников даже до 100—200 иноков. И сверх того за первые же 20 лет унии создалось до 10 новых монастырей, и притом выдающихся. Заново возники три новых монастыря, занявших затем в истории руководящее положение. Это — знаменитая Почаевская Лавра. В Вильне — Свято-Духовский монастырь, как бы анти-крепость против захваченного через дорогу Св. Троицкого монастыря. В Киеве — Братский Богоявленский монастырь, приютивший школу».

Образ преподобного Иова Почаевского, пребывающий в соборном храме Корецкого монастыря (Ровенская область, Украина).

Преподобный Иов, имевший характерное фамильное прозвание «Железо» («Зализо»), пришел на Почаевскую гору в первое десятилетие XVII века. Пришел простым иноком, но спустя некоторое время братия избрали его своим игуменом. Аскет, молитвенник, кроткий наставник монашеской общины, Иов вел монастырский корабль сквозь враждебные бури твердой рукой, всецело полагаясь на Господа. Так, когда местный землевладелец запретил монахам брать воду в соседнем селе, по молитве Иова вода нашлась в колодце на территории самого монастыря (а местность здешняя бедна водой).

Старец умер, прожив сто лет. Он отслужил литургию, воздал «последнее целование братии» и скончался «в тот же самый час, который предсказал».

События эпохи

1645 На московский трон восходит шестнадцатилетний царь Алексей Михайлович.
1646 В семье профессора Лейпцигского университета родился Готфрид Вильгельм Лейбниц — философ, математик, физик, «и прочая, и прочая».
1647 Пуритане, составлявшие большинство в так называемом «Долгом парламенте», принимают закон, возбраняющий праздновать Рождество Христово, Пасху и иные христианские праздники на территории Англии.
1648 Семен Дежнёв пересекает Берингов пролив, доказывая тем самым «разделенность» Азии и Америки. Соляной бунт в Москве.
1649 Карл I предан смертной казни через отсечение головы согласно постановлению Верховного суда Англии.
1651 Общепринятая дата освящения Никольского собора в Николо-Шартомском монастыре. Кончина прп. Иова Почаевского.
1652 Голландцы основывают неподалеку от мыса Доброй Надежды Капстад (будущий Кейптаун).
1654 Начало русско-польской войны. Осада и взятие Смоленска русским войском.

«Неизвестная рука положила основание...»

Несколько веков Николо-Шартомский монастырь существовал в деревянном исполнении, и лишь когда погорел «изволением Божиим от молнии до основания», началось в нем каменное строительство. Первым храмом, выстроенным в камне, стал, конечно, собор, посвященный святителю Николаю.

На этой миниатюре из Лицевого летописного свода изображено взятие Суздаля войсками Батыя в 1238 году. Согласно одной из версий, Николо-Шартомский монастырь основали некие суздальские иноки, бежавшие от Батыевых зверств.

Нет однозначного суждения о том, как и когда возник Николо-Шартомский монастырь. Иные говорят о том, что существует он чуть ли не с XIII века, когда здесь, «среди мрачных Шуйских лесов» (В. А. Борисов. Описание города Шуи и его окрестностей (1851)), поселились суздальские иноки, бежавшие из разоренного Батыем города. Иные вспоминают старинное предание об основании монастыря на месте явления иконы святителя Николая. Икону, как рассказывают, обрели не на том месте, где ныне находится монастырь, а в нескольких верстах от него — при впадении реки Шахмы в Молохту (там, где сейчас деревня Федосово). Шахма прежде называлась Шартомой, откуда и повелось название монастыря, впоследствии перенесенного ниже по течению Молохты. Одним словом, как изящно выразился Борисов, «неизвестная рука положила основание Шартомской обители иноков...»

«А ВЕДАЕТ И СУДИТ АРХИМАНДРИТ С БРАТИЕЮ СВОЕЮ...»

Первый документ, подтверждающий существование Николо-Шартомского монастыря, относится к 1444 году — это духовная грамота нижегородской княгини Марии Спасо-Евфимиеву монастырю, что в Суздале. На грамоте стоит подпись

архимандрита Шартомского монастыря Конона. Архимандрит — это серьезно. Значит, обитель уже в то время имела определенный вес.

Следующие по времени документы утверждают нас во мнении, что Николо-Шартомский монастырь отнюдь не был затерянной в лесах пустынькой. Сохранилось несколько жалованных грамот монастырю

▲ *Василий III (на этой памятной медали XVIII века изображен именно он) не был первым среди великих князей и государей, кто оказывал в том или ином виде поддержку Николо-Шартомскому монастырю. Сохранились также жалованные грамоты Василия II (1452 г.) и Ивана III (1463 г.).*

XV столетия. А в 1506 году великий князь Василий III даровал ему несудимую грамоту, где говорилось, в частности: «Наши наместницы и их тиуны, проведчики и заводчики поборов у них не берут, и не въезжают к ним ни по что; а ведает и судит архимандрит с братиею своею, сами во всем, или кому прикажут...» В 1553 году Иоанн Грозный дал монахам грамоту на владение деревнями из отчины князей Горбатых, а его сын Феодор Иоаннович особой защитительной грамотой оградил владения монастыря от притязаний князей Несвицких, «дабы они князья монастырских сел в Шухмаше не теснили, а ходили по грамотам отца его и от него данным». Кроме того, архимандриты Николо-Шартомские пользовались привилегией являться к государеву двору после Николы вешнего для поднесения царю просфоры и святой воды.

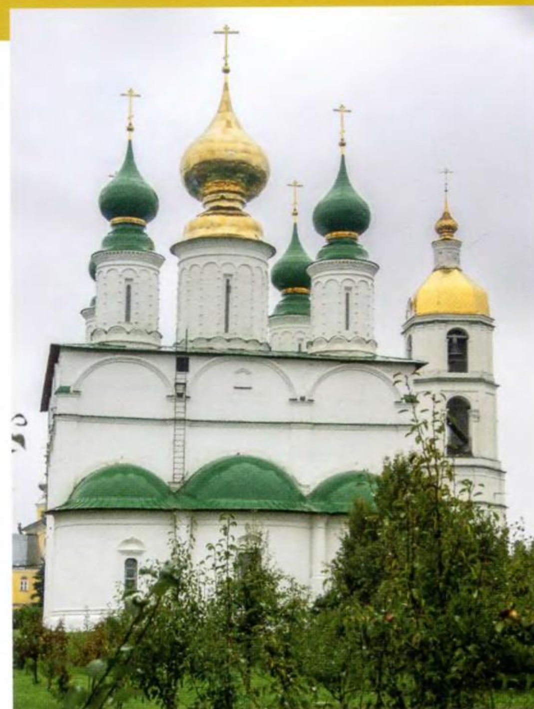
Способствовали приращению богатства и влиятельности монастыря и местные землевладельцы, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивах документы. В особенности последовательно — на протяжении нескольких поколений — обители благотворили князья Горбатые-Шуйские, ведшие свой род от Рюрика и за то поплатившиеся при Иване Грозном (последние Горбатые, Александр и Петр, сгинули во время опричнины).

Не было счастья...

А в XVII веке на Николо-Шартомский монастырь посыпались бедствия. В 1619 году, как следует из «допросных речей шуйского земского старосты Федора Иванова, соборного попа Парфена Данилова и всех шуйских посадных людей», «польские и литовские люди, черкасы и с Вязников воры, и казаки, в вотчине у Николы Чудотворца были... и монастырскую вотчину разорили; и в церкве образы обдирали и сосуды церковные брали, и ризы, и шапку архимандричью, и всю службу взяли, и лошади монастырские побрали, и рогатую скотину большую и малую побили, и братью, и служки, и крестьян посекли...»

В 1624 году обитель ограбили разбойники, убив притом и нескольких монахов; наконец, в 1645 (по другим сведениям — в 1649) году она «изволением Божиим, от молнии, до основания» выгорела. Последнее печальное обстоятельство подтолкнуло тогдашнего архимандрита Иоасафа к каменному строительству. Начали, естественно, с соборного храма.

Обстоятельства его постройки отчасти проясняет челобитная помянутого архимандрита Иоасафа царю Алексею Михайловичу, где он рассказывает об убийстве и ограблении «приказным человеком Иваном Ахметевым» монастырского мирского старосты, которому в обязанности как раз и был вменен сбор денег на монастырские нужды. Из грамоты следует, что обитель после пожара обустраивалась на средства, сбираемые с монастырских крестьян, а особое попечение об этом имел, помимо архимандрита Иоасафа, келарь Варлаам.

▲ *Никольский собор — первый каменный храм монастыря и главный герой нашего выпуска.*

В 1651 году новый каменный храм во имя святителя Николая, согласно большинству источников, освятили по благословению архиепископа Суздальского и Торусского Серапиона. Эта дата, однако, вызывает споры. Она выведена из надписи на водружальном кресте, но смысл ее таков, что позволяет говорить скорее об освящении в 1651 году именно самого креста. А собор мог быть достроен и несколькими годами позже.

Грамота Ивана Ивановича Молодого

От Великого князя Ивана Ивановича князю Василию да князю и Ивану Несвиским били челом архимандрит Шартомской Максим у тоих села манастырские в Шухомаше и на Тезей села у них от отца моего великого князя грамоты жалованные, и мои, и вы дей у них те грамоты рушите, и вы бы у них тех грамот от отца моего да и моих не рушили ничем, а ходили бы есте по тем грамотам о всем как написано, а прочет сю грамоту, отдайте архимандриту з братиею, наказ, держите е собе в прок для иных моих волостелей Шухомашских.

Лета 93 (1485). Подпись на обороте: «Князь Великий»

Николо-Шартомский монастырь на старинной литографии.

В монастырском контексте

Никольский собор пережил вместе с Шартомским монастырем самые разные периоды: упадок конца XVIII века, когда монастырь потерял все свои владения и неумело пытался выживать в новых «подневольных» условиях, расцвет второй половины XIX века и разруху XX столетия.

В продолжение XVII—XVIII веков строительство каменного монастырского ансамбля, столь представительно начатое Никольским собором, продолжилось. Об этом ансамбле, безусловно, заслуживающем внимания, мы скажем отдельно, а пока обратимся к иным сторонам бытования обители (и Никольского собора в ней).

До секуляризационной реформы 1764 года монастырь являлся одним из крупнейших «хозяйствующих субъектов» округи. В XVII веке ему принадлежали водяные мельнице (на Молохте и других местных речках), соляные варницы в Нерехте, деревни и села с 621 двором (по данным на 1662 год). В XVIII веке к нему приписывали малобратственные монастыри с их пахотной землей и покосами. Священник П. Зверев пишет в составленном им в 1899 году описании монастыря: «До учреждения штатов этому монастырю подчинено было 8 монастырей: 1) в 1724 году приписан к нему Шуйский Троицкой монастырь, имевший и сам настоятельство архимандричье (в настоящее время приходская кладбищенская церковь в гор. Шуе). 2) В том же году приписана была Борковская пустынь, в ней 2 церкви деревянные и строение все деревянное обветшалое; 1 игумен и 20 монахов переведены в Николо-Шартомский монастырь. 3) В том же году приписана Пищуговская пустынь (ныне приходская в Шуйском уезде), в ней 4 церкви каменных и одна деревянная; переведены 1 игумен и 8 монахов на Шахму. 4) В 1745 году, при Архимандрите Макарии, приписана Косьмо-Дамианская пустынь (Владимирской губернии) с 15 десятинами пахотной земли и покосной на 50 копен; строитель оной иеромонах Дионисий с клирошанином Платоном поступили в Шартомский монастырь, а братия раньше вышла по-

▲ *Издревле монастырь владел мельницей на реке Молохте. Она неоднократно перестраивалась, и последний ее вариант сохранялся еще в 1950-е годы (на фото).*

бираться по миру, так как кормиться было нечем, да и здания обветшали: церковь деревянная худая, ограда из плетня. 5) В 1755 г. мая 5 дня приписан Мстерский Богоявленской монастырь; 6) Городивщевская пустынь, Суздальского уезда; 7) Введенский женский монастырь, Шуйского уезда; 8) Казанской в селе Кохме, Шуйского уезда; 9) Воробьевская пустынь в селе Дунилове, Шуйского уезда».

В 1764 году все приписанные к Николо-Шартомскому монастырю обители были «напрочь упразднены» (кроме Борковской пустыни), а сам он — причислен к третьему классу с игуменским настоятельством. Братии по штату полагалось двенадцать человек — собственно игумен, пять иеромонахов, два иеродиакона и четыре послушника.

О Никольской ярмарке

Значительный доход на протяжении весьма длительного времени приносила монастырю ежегодная Никольская ярмарка, проходившая на вешнего Николу, от 6 до 12 мая по старому стилю (празднование свт. Николаю — 9 мая по старому стилю). На эти доходы монастырь, в частности, имел возможность поддерживать внутреннее и внешнее благолепие своих храмов — в первую очередь собора, посвященного именно святителю Николаю.

▲ *«Ярмарка» (1910), работа Б. М. Кустодиева. Монастырские и сельские ярмарки, приурочивавшиеся обыкновенно к престольному празднику главного храма монастыря (или, на селе, приходской церкви), всегда были весьма оживленными.*

Вразумление

У московского купца Адриана Осипова Налетова был прикащик Василий Петрович Дурденевский (родом из с. Иванова Шуйск. уезда). Оба они давно уже скончались. Налетов торговал бумажною пряжею, посылая ее на возах по деревням и продавая на базарах. Этою торговлею заведывал Дурденевский. В двадцатых годах нынешнего столетия эта торговля была в большой силе. Переезжая с возами из одного селения в другое, Дурденевский, по множеству покупателей, занятый отпуском товара и расчетами, не мог на месте продажи поверять ни вырученных денег, ни количества проданного товара; он делал это по вечерам, когда останавливался на постоялых дворах для ночлега. В одно время ночью, проверяя вырученные деньги и наличный товар, он не досчитался 10 пудов пряжи, на сумму по тогдашним ценам около 1 300 руб. ассигн. Это чрезвычайно его встревожило. В это время ему нужно было возвратиться к своему хозяину в Шую, где он жил. Как человек весьма честный, совестливый и больше всего опасавшийся подозрения от своего хозяина в обмане или краже, он не знал, что делать. Чем больше он думал, куда девалась пряжа и как он объяснит хозяину свою потерю, тем больше он смущался и находил свое положение безвыходным. В отчаянии он решился лишить себя жизни, — утопиться ночью в реке, которая была на пути в Шую из той деревни, где он остановился. Поднявшись рано с постоялого двора, в том же смятении духа, не доезжая еще до реки, он от изнеможения уснул в телеге. Во сне он видит старца, который говорит ему: «Что это ты хочешь делать? Ты забыл, что бумагу отпустил такому-то». После этого он тотчас проснулся и вспомнил имя своего покупателя, которому действительно отпустил в долг 10 пуд. пряжи, по его мнению пропавшей. Пришедши в себя и осмотревшись, он заметил, реку, в которой он хотел утопиться, он уже проехал, и лошадь его сама собою остановилась против ворот Николошахминского монастыря (в Шуйском уезде). Он увидел на монастырских воротах икону св. Николая Чудотворца, и вразумление, полученное им во сне, не мог приписать никому другому, кроме святителя Николая. С тех пор до конца жизни Дурденевский с особенным благоговением чтил св. Николая и ежегодно накануне праздников в честь его приглашал в свой дом священника, для совершения всенощной и молебна Святителю.

Журнал «Душеполезное чтение» за май 1861 года

Образ святителя Николая над воротами монастыря. В XIX веке он, конечно, был другим.

▲ *Как в прежние времена, так и теперь, существенной составляющей монастырского благосостояния являлось и является сельское хозяйство. До революции в Шартомский монастырь поступали главным образом крестьяне окрестных деревень.*

◀ *Железная дорога, пройдя в обход монастыря, не порушила его уклада, но упразднила значение Никольской ярмарки. На иллюстрации: «Пейзаж с поездом» М. К. Аладжалова (1862—1934).*

В. А. Борисов указывает, что ярмарочными доходами обитель пользовалась до 1766 года. «Ныне, — пишет он в 1851 году, — доходами с ярмарки пользуются частные лица, которые приобрели это право от казны покупкою (т. е. надо так понимать, что в 1766 году ярмарочный доход был взят в казну. — *Прим. ред.*). Впрочем, из доходов своих владельцы жертвуют часть и в пользу монастыря. (В 1842 году привезено было сюда товаров на 340 тысяч руб. сереб.)».

Примечательно, что в более позднем описании (священника П. Зверева) говорится о том, что монастырь имел «большие доходы от богомольцев, покупателей и торговцев во время Никольской ярмарки», но только было это «до проведения Шуйско-Ивановской железной дороги... С проведением же дороги пала ярмарка, — пали и доходы монастыря». Автор, вне сомнения, знал и «эксплуатировал» текст Борисова (он слово в слово повторяет его данные о товаре на 340 тысяч рублей, привезенном на ярмарку в 1842 году), но ничего о «частных лицах», пользующихся ярмарочным доходом, он не говорит. Скорее всего, под «большими доходами», которые имел монастырь после 1766 года, о. П. Зверев имеет в виду доходы опосредованные — заказ треб, пожертвования и т. п.

«Представляется в гораздо более благоустроенном виде...»

После секуляризации почти на столетие всякая «внешняя» деятельность в монастыре замерла. «Предания старцев, ныне живущих в монастыре, — рассказывает о. Павел Румянцев в «Кратком описании Николо-Шартомского монастыря» (дело происходит в 1860-е годы), — и добросовестных старожилов — окрестных мирян свидетельствуют о недавнем, как внешнем, так и внутреннем неблагосостоянии обители. А именно, доселе воспоминают и рассказывают о внутренних недостатках и бедности всех храмов Божиих, о скудости и обветшалости почти всех икон, иконостасов и ризницы, о расстройстве и обветшалости внутренних частей и принадлежностей всех монастырских служб и келлий. Все это доказывает, и говорят простодушные, что настоятели монастыря, со времени учреждения штатов, при скудости материальных средств, были скудны и ревностью о благоустроении обители. К этому надобно прибавить и то, что настоятели весьма часто сменялись...» Преодоление запущенности и расстройства о. Павел совершенно справедливо связывал с деятельностью игумена Илариона, поставленного настоятелем в 1857 году. При нем действительно монастырские постройки были приведены в порядок, хозяйственная жизнь наладилась, и о. Павел удовлетворенно

▼ *Ильинская церковь в Шуе — бывшее подворье Николо-Шартомского монастыря.*

резюмировал: «В настоящее время Николо-Шартомский монастырь представляется в гораздо более благоустроенном виде, нежели прежде».

«Содержание монастыря следующее...»

К концу XIX века, как видно из описания о. П. Зверева, монастырь в значительной мере отошел от штатного расписания как по числу братии, так и по доходам. Читаем: «Николо-Шартомский монастырь в настоящее время имеет Настоятеля, 4-х Иеромонахов, одного белого Священника, двух Иеродиаконов и 10 послушников.

▲ *Так выглядел Николо-Шартомский монастырь в 1950-е годы.*

Содержание монастыря следующее: 711 руб. казенной окладной суммы; 800 руб. от мельницы, 250 руб. от аренды за пахотную и покосную землю в Городищевской пустоши при селах: Давыдовском и Шекшове, Суздальского уезда; 80 руб. за пахотную и покосную землю в Никольской пустоши, Шуйского уезда; 50 руб. с рыбных ловель по реке Тезе и Молохте; 11 100 руб. вечного вклада; доходы от молебнов, поминовений и проскомидий. Кроме сего, с 1897 года дозволено ношение по домам в Иваново-Вознесенске чудотворных икон монастыря: Казанской Богоматери и Святителя Николая: при этом ношении, кроме огарков, монастырь собирает до 700 руб. Сверх сего, в городе Шуе имеется Ильинская монастырская церковь, с полным штатом служащей в ней братии, — приносящая монастырю до 400 р., и в доход братии, кроме содержания служащих, до 900 р. Есть при монастыре хлебопашество и сенокосы; отопление покупается». Словом, жить можно.

«Во что бы то ни стало...»

История с изъятием железной государственной рукой церковных ценностей «в пользу голодающих», кажется, известна всем, кто сколько-нибудь интересовался положением Церкви в XX веке. Известно, что власти намеренно действовали провокативно; известно, что «первый Помгол», в работе которого принимал участие Патриарх Тихон, был распущен и заменен «вторым Помголом» — но уже всецело подчиненным ВЦИК; известно, наконец, что и после этого Патриарх не оставил усилий по организации повсеместного добровольного сбора средств в помощь голодающим. Но когда 23 февраля 1922 года был обнародован декрет об изъятии церковных ценностей, где шла речь об изъятии «всех драгоценных предметов из золота, серебра и камней» (хотя и с расплывчатой оговоркой — «изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа»), Патриарх воспротивился. «Мы не можем, — говорится в его послании от 28 февраля (со ссылкой на 73 апостольское правило и 10 правило Двукратного Константинопольского собора), — одобрить изъятие из храмов... священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается как святотатство».

А спустя буквально две недели в Шуе, столь недальней от Николо-Шартомского монастыря, произошло событие, положившее начало планомерному террору государства против Церкви. 11 марта настоятель шуйского Воскресенского собора протоиерей Павел Светозаров получил официальное известие от уездной комиссии по учету и сосредоточению ценностей, что 13 марта в 11 утра комиссия приступит к своей работе в соборе. Но 13 марта приступить не удалось. В храме собралось столько людей, что «комиссионеры» сочли за благо убраться восвояси. Изъятие перенесли на 15 марта, а между тем вечером того же дня президиум уездного исполкома, собравшийся в экстренном порядке, постановил «восстановить чрезвычайные меры, связанные с военным положением». Т. е. теперь, в случае чего, можно было стрелять.

И стреляли. 15 марта на Соборной площади, где люди собрались, чтобы защитить свои святыни, были застрелены насмерть 4 человека и ранены 22.

На шуйскую трагедию Ленин отозвался письмом членам Политбюро (от 19 марта) о необходимости «во что бы то ни стало... провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом». Из этого письма видно, что «отчаянный голод» в стране вождь пролетариата рассматривал лишь как повод к расправе над «черносотенным духовенством» и захвату в свои руки того церковного «фонда», о котором Ильич имел столь жадно-преувеличенные представления...

Памятник шуйским новомученикам, убитым 15 марта 1922 года, поставлен рядом с собором в Шуе.

Но сравнительно обеспеченную и упорядоченную жизнь монастырь вел недолго: в 1920-е годы его закрыли, реквизировав ценную утварь, а библиотеку и «неценные» иконы большей частью сожгли. Дальнейший сценарий бытования монастырских зданий был стандартным: их использовали под склады, зернохранилища (зерно долго держали именно в Никольском соборе); в некоторых помещениях жили люди. Частичной реставрацией монастырь «осчастливили» лишь в 1980-е годы, но и все равно в 1990 году, когда его возвратили Церкви, зрелище он представлял собой поистине печальное.

Архитектурный ансамбль Николо-Шартомского монастыря

◀ *Трапезная с Казанской церковью. На заднем плане видна маленькая главка придела свт. Григория Акрагантийского.*

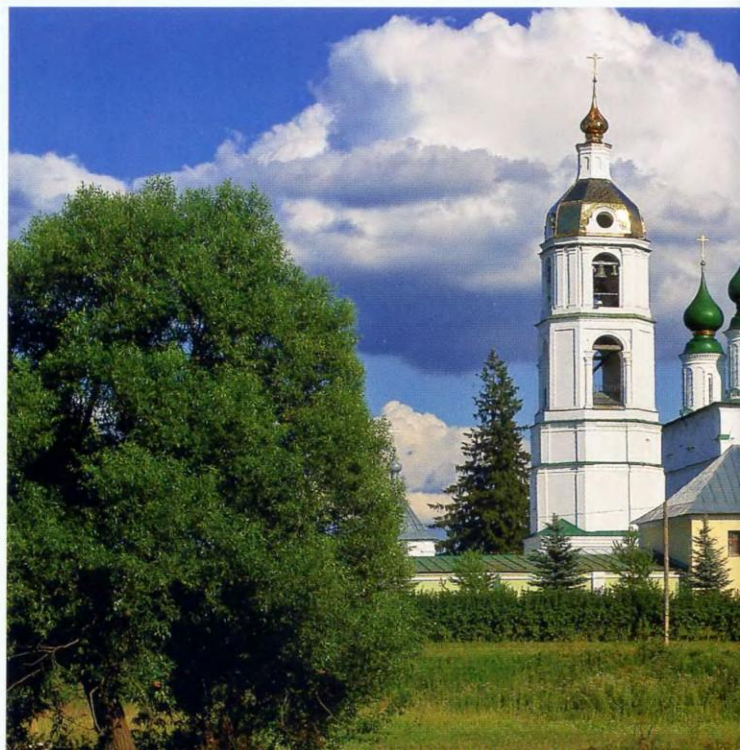
▲ *Время постройки монастырской колокольни неизвестно, но ее нижние ярусы позволяют высказать предположения о конце XVII века.*

АНСАМБЛЬ Шартомского монастыря сформировался в целом в границах второй половины XVII — первой половины XIX веков. Вторым по старшинству каменным зданием после Никольского собора стал корпус трапезной с храмами в честь Казанской иконы Божией Матери и святителя Григория Акрагантийского, выстроенный в 1678 году. Трапезная строилась не без участия «высоких попечителей»: согласно указу царя Алексея Михайловича, архиепископ Суздальский Стефан, уже знакомый нам по истории суздальской церкви Лазаря Четверодневного, выдал монастырю 319 рублей на строительство трапезной с храмом и предписал «строить ту каменную церковь на службах» таким образом, «как в Суздале на моем дворе построена новая церковь».

К середине XIX века, как следует из «Краткого описания Николо-Шартомского монастыря», составленного священником Павлом Румянцевым в 1860-е годы, Казанская церковь обветшала и пребывала «в самом бедном и мрачном виде». Однако в 1858 году «старанием игумена Илариона, при усердных пожертвованиях шуйских купцов Посылиных, Калужских и Поповых и других благотворителей, вся внутренность Казанского храма переделана, возобновлена и украшена». Из этого же «Описания» известно, что иконы для одноярусного иконостаса Казанской церкви писал палехский мастер Софронов. Конечно, тогдашнее убранство храма не сохранилось.

Церковь свт. Григория была устроена в южной части трапезной, и ее отмечает лишь небольшая главка над крышей корпуса.

Неподалеку от Никольского собора, к северу от него, стоит колокольня. Она, возможно, является третьей по старшинству монастырской постройкой, а, быть может, даже имеет право претендовать на второе место. Точное время ее возведения неизвестно. В альманахе «Памятники Отечества» (№ 1

за 1981 год), издававшемся Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, о колокольне Шартомского монастыря говорится, что «в начале XIX века она изменила свой силуэт и на расстоянии воспринимается памятником архитектуры поздней поры. Между тем, подойдя ближе, можно увидеть в ее трех нижних ярусах формы, свидетельствующие о древнем происхождении. Фантазия может дорисовать к трем древним четвертый ярус звона с высоким шатром, и сразу вспомнятся колокольни-свечи Тутаева, Ярославля, Костромы и других городов Верхней Волги». А вот «Свод памятников архитектуры и монументального искусства» (часть 3 по Ивановской области (2000)) однозначно определяет ее как «памятник позднего классицизма», ориентируясь на верхние ярусы с арками, имеющие, действительно, позднейшее происхождение.

Над Святыми воротами монастыря выстроена церковь Преображения Господня, о которой из описания обители, сделанного в 1851 году В. Борисовым, следует, что заложили ее в 1696 году, а освятили спустя сто с лишним лет — в 1813-м. У о. Павла Румянцева мы находим несколько иную информацию, а именно: что в конце XVII века каменная церковь над западными воротами не просто была заложена, но существовала, однако имела иной вид и посвящение — Сретению Господню. А в начале XIX столетия ее перестроили в соответствии со вкусами эпохи. «Преображенская церковь, — говорится в «Памятниках Отечества», — в плане имеет форму равноконечного креста. Над кровлей возвышается восьмигранная ротонда, увенчанная коротким барабаном и небольшим куполом. По углам четверика расставлены легкие барабаны. Таким оригинальным способом облегчается тяжеловесное основание. Поражаешься тому, сколько композиционных вариантов использовали русские зодчие при строительстве пятиглавых храмов».

В «Памятниках Отечества» не приводится сколько-нибудь точных датировок ни «древнейшего слоя» Преображенской церкви, ни ворот, ни примыкающих к ним корпусов. Сказано лишь: «В ней (т. е. в Преображенской церкви. — *Прим. ред.*), как и в монастырской колокольне, два исторических пласта, принадлежащих разным эпохам. Основание этой церкви, судя по характеру кладки, размерам кирпича и замурованным нишам, — древнего происхождения. Въезд в монастырь испокон веков находился со стороны речки. Кельи, примыкающие к воротам, составляли с ними единый архитектурный ансамбль, построенный одновременно». Надо понимать, что под «древностью» здесь разумеется конец XVII века. Похоже на то. Во всяком случае, данные, почерпнутые из дореволюционных описаний монастыря, этому не противоречат. Правда, о времени постройки келейных корпусов старые авторы ничего не сообщают. Борисов, упоминая о них, отмечает, что они «довольно поместительны и крепки», а о. Павел Румянцев рассказывает о перестройке «внутренностей» всех «келлий» в 1859—1862 годах, вследствие чего они устроились «удобно и прилично». «Свод памятников» при этом вновь глаголет о «позднем классицизме», усматривая его черты в «пропорции и ритме фасадных членений». О классицизме, но на сей раз «зрелом», «Свод» говорит и применительно к монастырской ограде.

▲ *Так выглядит юго-западный корпус, входящий в систему ограды, изнутри монастыря. Интересно лаконичное оформление окон первого яруса.*

◀ *На этой фотографии хорошо видна надвратная Преображенская церковь и примыкающие к ней корпуса.*

Шуйская-Смоленская

До революции Николо-Шартомский монастырь был весьма богат старинными реликвиями. В. А. Борисов перечисляет среди «вещей», заслуживающих «особенного внимания», иконы «редкого письма», древние, еще ко временам Патриаршества относящиеся, напрестольные кресты и богослужебные книги. До наших дней эти «исторические» святыни не дожили, и об этом остается лишь сокрушаться.

Согласно свидетельству священника П. Зверева, главными святынями монастыря являлись Казанская икона Пресвятой Богородицы и образ Николая Чудотворца, помещавшиеся в Никольском соборе, первая — против левого клироса, вторая — против правого. «На иконе Казанской Божией Матери, — сообщает Зверев, — риза, шитая серебром, венец же кованный из серебра и золочен чрез огонь; на иконе Святителя Николая риза сребропозлащенная, эта икона вставлена в оклад, вмещающий в себе житие Угодника Божия со дня его рождения и до дня смерти, а также некоторые его чудеса. Иконы помещаются в массивных резных, вызолоченных на полимент, киотах, пожертвованных г. Иванова-Вознесенска фабрикантом Г-м».

О. Павел Румянцев приводит в своем труде более подробное описание иконы свт. Николая и, в частности, говорит о ней (отчасти повторяя В. А. Борисова), что она почитается «явленною» и современной основанию монастыря. «По своему наружному виду, — пишет о. Павел, — эта икона небольшая... на деревянной доске украшена сребропозлащенною ризою. Вокруг иконы на деревянном окладе, украшенном таковою же ризой, изображены недавнею мелкою живописью явления и чудеса Св. Николая. Икона находится против правого клироса, в изящно-устроенном, 1862 г., иконостасе, украшенном искусною золоченою резьбою. Пред сею иконою, по четвергам, пред литургиею, соборне совершается акафистово пение Св. Николаю. О чу-

Старинная икона святителя Николая, прежде составлявшая главную святыню Николо-Шартомского монастыря, в настоящее время утрачена. Сейчас здесь находится другая икона святителя, тоже старая, весьма достойного письма.

десах от описанной иконы хотя не имеется в монастыре письменных актов, несмотря однакож на это, все окрестные жители — и истинно православные Христиане, и храмлющие на оба колена, и все раскольники — издревле имеют к ней особенное глубокое молитвенное благоговение, как к явленно-чудотворной».

Необычная иконография

Послереволюционная судьба помянутых святынь неизвестна. Старые иконы и в Никольском соборе, и в Казанском храме есть, но все они — «новопришедшие», т.е. происходящие из иных мест. Среди них особенный интерес с точки зрения иконографии вызывает икона Пресвятой Богородицы, именуемая «Шуйской-Смоленской» или «Шуйской Одигитрией». Ее особенностью, поражающей многих, кто видит ее впервые, является положение ручек и ножек Богомладенца: правая ножка стоит на колене левой, и левой же рукой Он придерживает правую ножку за пяточку. Ступню левой ножки Младенца держит правой рукой Пресвятая Богородица. Появление этих особенностей, согласно «Сказанию о чудесах, бывших от Шуйско-Смоленской иконы Божией Матери», составленному в XVII веке, стало следствием сверхъестественного вмешательства в работу иконописца. Этот иконописец («Сказание» именует его «мастером гораздым»), нанеся прорись на доску, обнаружил наутро ее измененной. Иконописец исправил прорись, но на другой день увидел, что его исправления тщетны: правая ножка Богомладенца опять стояла на колене левой. Так, по версии «Сказания», родилась новая иконография.

Но, надо отметить, эта иконография была известна и прежде, получив довольно широкое распространение в XVI веке. По-видимому, она связана с осмыслением в мессианском ключе ветхозаветного обетования Бога Отца, данного Им змию-искусителю: «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3, 15). Уместно здесь также вспомнить псалом о «Царе Славы» (Пс. 23, 8—10): Христос — Новый Адам, поразивший ад («будет поражать тебя в главу»), — восседает на руках Пречистой Девы — Новой Евы — и благословляет Ее склоненную главу.

По обету

Что касается исторических обстоятельств, в которых создавалась Шуйская-Смоленская икона, то они весьма скорбны. Это был 1654 год, когда русские города и веси страдали от страшной эпидемии. Яркое свидетельство о ней оставил, в частности, Павел Алеппский, как раз в это время находившийся в Московии. «То было нечто ужасающее, — писал он, — ибо являлось не просто моровою язвой, но внезапною смертью. Стоит, бывало, человек и вдруг моментально падает мертвым; или: едет верхом или в повозке и валится навзничь бездыханным, тотчас вздувается как пузырь, чернеет и принимает неприятный вид. Лошади бродили по полям без хозяев, а люди мертвые лежали в повозках, и некому было их хоронить...»

В столь скорбное время людям приходилось уповать на милость Божью и заступничество Той, к которой «вси по Бозе прибегаем». Именно к этой поре относится множество свидетельств о чудотворениях от икон Божией Матери. Шуяне, «объятые великим ужасом», также прибегли к заступничеству Пресвятой Богородицы, поручив написать иконописцу Герасиму Тихонову Иконникову обетную икону — список со Смоленского образа Пресвятой Богородицы. Выбор первообраза, надо сказать, также был неслучаен: именно в те дни известие о взятии Смоленска русским войском достигло Шуи.

Как скоро новонаписанную икону установили в иконостасе шуйского Воскресенского собора, эпидемия стала иссякать. Но с прекращением болезни не прекратились чудеса от Шуйской-Смоленской иконы, и в итоге в 1667 году ей учредили общецерковное празднование (2 ноября по старому стилю).

▲ *Почитаемый чудотворным список с Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери, пребывающий в Казанской церкви Николо-Шартомского монастыря.*

▼ *Шуйская-Смоленская икона Пресвятой Богородицы в Никольском соборе.*

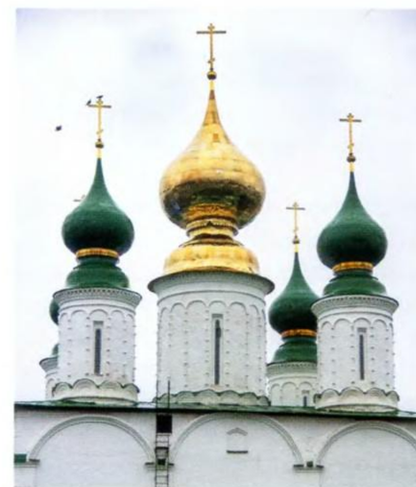
«Строгость и красота...»

Снаружи

Среди зданий Шартомского монастыря Никольский собор занимает совершенно особое положение, являясь центром всего архитектурного ансамбля. Он имеет суровый, «глыбистый» облик, столь отличный от облика практически современных ему посадских храмов недальнего Суздаля. Это как раз тот случай, когда форма соответствует содержанию. Монастырский храм и внешность имеет внушительно-монастырскую.

В «Памятниках Отечества» читаем: «Никольский собор монастыря поражает своей высотой. В плане это вытянутый прямоугольник со смещенным к востоку центральным барабаном. В соответствии с этим фасады продольной части объема имеют неравные отрезки, разделенные четырьмя плоскими пилястрами, на которые опираются пяты закомар.

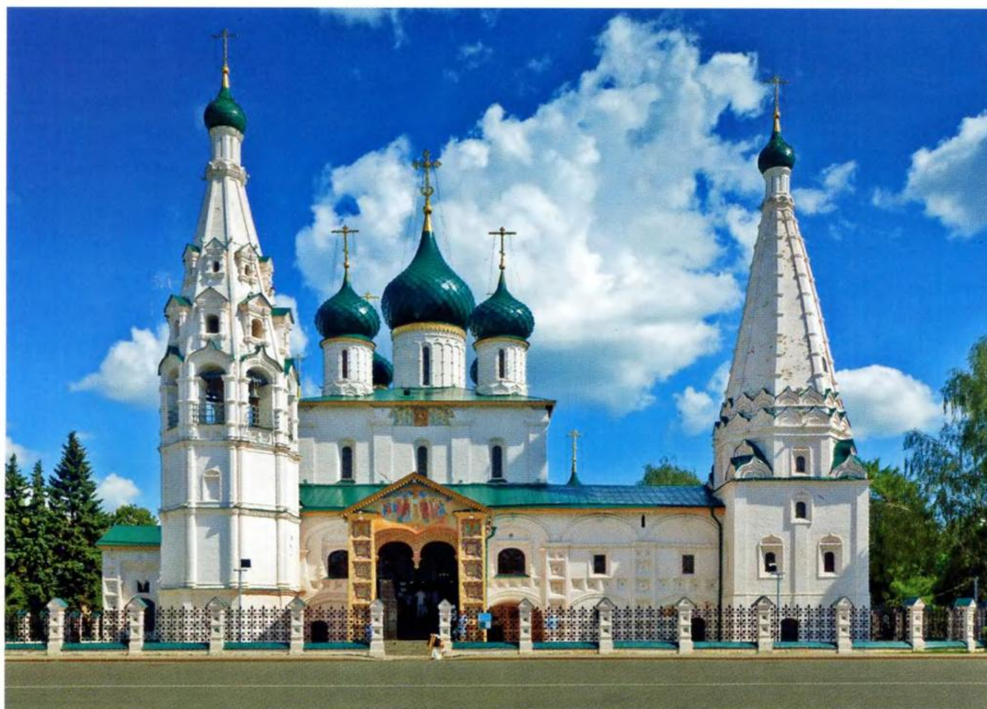
► В XVIII веке главы монастыря обрели новую форму, несколько «выпадающую» из общего стилистического контекста. Но, как заявлено в «Памятниках Отечества», «эстетическое содержание, положенное в основу Никольского собора, не было ослаблено».

Вершины закомар выравнены карнизом более позднего происхождения. Эстетическое содержание, положенное в основу Никольского собора, не было ослаблено новыми формами завершения барабанов и кровли, возникшими в XVIII веке. Строгость и красота, свойственные древнерусской архитектуре, сохранились в этом сооружении».

«Свод памятников архитектуры» напоминает нам о том, что Никольский собор — «самый ранний памятник архитектуры области» и указывает на известную его близость к ярославской школе зодчества. Действительно, в соборе есть черты, роднящие его с ярославскими храмами (мастера, возводившие его, если не были ярославцами сами, то, во всяком случае, имели весьма полное представление о ярославском зодчестве). Но подходить к этому родству следует с осторожностью: в XVII веке в Ярославле строились главным образом приходские храмы, причем вкусы заказчиков в это время уже обрели известную прихотливость. Храм приходский и монастырский — это все-таки разные жанры (хотя впоследствии явилась тенденция к их смешению).

Вероятно, при постройке Никольского собора мастерам также приходилось учитывать требования заказчика — в данном случае «архимандрита Иоасафа да келаря чернеца Варлаама с братиею». И, сколько можно судить по внешности собора, их взгляды на то, каким должен быть монастырский храм, были «добротно-архаичными», укорененными в XVI веке.

◄ Знаменитая ярославская церковь Илии Пророка (1647—1650) — «старшая современница» Никольского собора. В основе ее — все тот же массивный четверик, сходным образом оформлены и барабаны глав. Но и нарядная паперть, и веселая перекличка шатров колокольни и придела, — все сообщает Ильинскому храму «немонашеский» облик.

Обзорная площадка

Кровля и главы

Есть версия, что первоначально собор имел покрытие по закомарам и иную (надо полагать, луковичную, наиболее употребительную в XVII столетии) форму глав. Но в настоящее время господствует теория о том, что кровля изначально была четырехскатной. И если так, то Никольский собор встает в один ряд с более поздними сооружениями — например, с Успенским собором Коломны, строившимся в 1670-е годы. Правда, в Коломне есть и некоторые другие «новины»: например, членение фасадов лопатками не соответствует расположению внутренних столпов. Никольский собор в этом смысле более консервативен.

Прясла

Внешнее членение стен лопатками на прясла диктуется внутренним устроением собора. Его центральный купол сдвинут к востоку, вследствие чего «двинулись» к востоку и столбы (храм — четырехстолпный). Соответственно, западное прясло получилось самым широким, среднее — у́же, восточное — самое узкое, что мы и видим на фото. Замечательным представляется то обстоятельство, что сия асимметрия построена по принципу золотого сечения.

Апсиды

Сильно пониженные относительно высоты четверика апсиды оформлены почти столь же сурово, как плоскости стен. Хотя наличники здесь имеют не простое угольное, а килевидное завершение. Обратите внимание: среднее окно (то есть собственно окно алтаря) было растесано. Интересно также, что южная апсида выступает чуть более северной.

Окна

Окна собора невелики, расположены в два яруса. И если окна нижнего яруса (см. фото) еще имеют какое-то оформление, претендующее на то, чтобы именоваться «наличниками», то окна второго яруса вообще обустроены без каких бы то ни было архитектурных излишеств.

ПРАВОСЛАВНЫЕ
Храмы
путешествие по святым местам
Никольский собор
Николо-Шартомский монастырь
(Ивановская обл.)

Внутри

«НАРУЖНЫЙ ВИД соборного храма, — писал в первой половине 1860-х годов священник Павел Румянцев, — величественною священною простотою и древностию своею, при входе в него, возбуждает чувство благоговения. По входе же в храм невольно поражаемся не столько величественностью его, сколько недостатком украшения и особенно бедностию икон и огромного пятиярусного иконостаса». Под «бедностию икон» о. Павел разумел, видимо, отсутствие окладов. Действительно, священник П. Зверев уже в самом конце столетия писал об иконостасе собора: «Иконостас... шестиярусный, древний. За исключением двух икон в нижнем ярусе, все остальные иконы без риз». Шестым ярусом автор считает, как следует из текста, «резное распятие с предстоящими» или же, наоборот, самый нижний ряд, под местным, о котором он пишет: «Над самым полом находятся картины из исторических ветхозаветных событий, — как-то: встреча Авраама с Мельхиседеком, принесение Исаака в жертву, — видение Моисеем купины, — поклонение Евреев золотому тельцу при Синае, — благословение Исааком Иакова, — опускание Иосифа братьями в ров и т. п».

▲ *Западный входной портал, изящно оформленный дыньками (в отличие от южного и северного, где никаких дынек нет в помине), скрыт сейчас рундуком притвора, так что мы с полным правом помещаем его изображение в «интерьерном» разделе.*

▼ *Икона «Спас Нерукотворный» возле правого клироса.*

▲ *Внутреннее убранство Никольского собора.*

Интересно свидетельство Зверева о раме иконостаса (интересно прежде всего потому, что, вероятнее всего, именно в таком виде она сохранилась до закрытия и разграбления собора): «Царские врата массивны: около 5 аршин вышины и 3 ширины, — резные, — вызолоченные на полимент; над ними, в нише иконостаса, два резных Ангела, осеняющих врата рипидами. Колонны иконостаса, разных размеров, — смотря по величине ярусных икон, — рубчатые, золоченые. В иконостасе резьбы мало, небольшие же плоские пространства, разделяющие ярусы, разрисованы, по голубому фону, уборкой из цветов». Можно предположить, что резные ангелы — наследие XVIII века, тогда как «разрисованные» тябла современны самому собору, но утверждать что-либо не беремся.

К моменту передачи монастыря Церкви внутреннее убранство Никольского собора было почти полностью уничтожено. Говоря о нем, «Памятники Отечества» скупо сообщают: «На внутренних стенах собора, сводах и гранях пилонов местами сохранилась штукатурка с остатками фресок».

В современном убранстве собора заслуживают внимания старинные иконы, помещенные у левого и правого клиросов. Слева — иконы Божией Матери «Тихвинская» и «Шуйская-Смоленская», справа — Нерукотворенный образ Спасителя очень выразительного письма. Судя по их размеру, эти иконы когда-то могли находиться в местном ряду иконостаса (но только не в Никольском соборе, а где-то еще).

Структура храма

Обозначения

1. *Прясла*
2. *Апсиды*
3. *Световые барабаны*
4. *Кокошники в основании барабанов*
5. *Западный (главный) вход*
6. *Иконостас*
7. *Киот с иконами Божией Матери «Тихвинская» и «Шуйская-Смоленская»*
8. *Киот с иконами «Спас Нерукотворный» и «Собор преподобных старцев Оптинских» (с частицами мощей)*

Цифры и факты

Собор во имя святителя Николая Чудотворца в Николо-Шартомском монастыре освящен, если верить большинству источников, в 1651 году (в настоящее время дата оспаривается). Собор имеет один престол. Согласно описи 1821 года, имелся также придел во имя свт. Иоанна Златоуста (не сохранился). Длина храма по оси «восток — запад» — 18,2 м (без учета апсид), ширина — 19,5 м.

Богатые шуйские села

Именно та местность, о которой мы пишем в этом выпуске, дала России такой колоритный тип, как офеня. Торговлей вразнос занимались весьма многие жители шуйских сел — и «благоприобретали» на этом неплохие деньги. Часть их шла на строительство и украшение церквей, оставшихся сегодня едва ли не единственными свидетелями (да и то — изветшавшими) былой зажиточности здешних сел.

Краем «лесов, непроходимых болот, студеных рек» называет уже не однажды цитированный нами альманах «Памятники Отечества» окрестности Николо-Шартомского монастыря, по которым нам сегодня предстоит, используя гоголевский словарь, «проездиться». Да, лесистая, болотистая, глухоманистая сторонушка. Но именно в такой глуши, удаленной от торных путей, и можно было укрыться от хищных, пресыщенно-кровожадных ордынцев, надеясь «тихое и безмолвное житие пожить во всяком благочестии и чистоте».

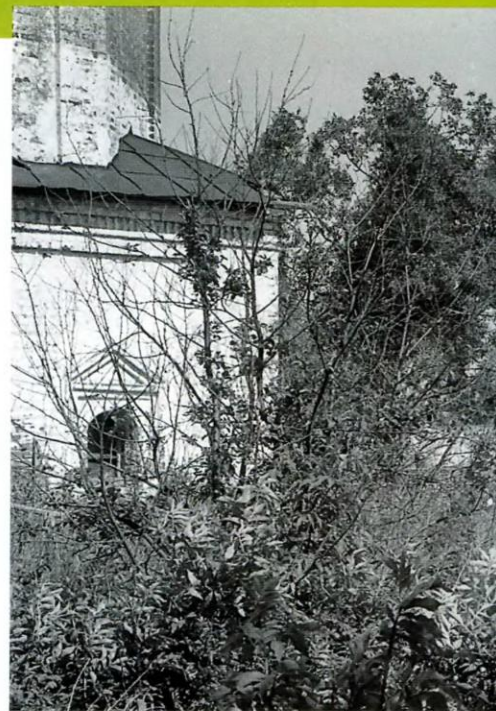
С «тихим и безмолвным житием» получалось далеко не всегда. Шалили по лесам разбойники, шастали лихие «гости» из Речи Посполитой, подзадержавшиеся в наших пределах чуть не до начала 1620-х годов. Но с XVIII века жизнь постепенно начала налаживаться — по крайней мере, настолько, чтобы оставить для нас, худосочных потомков, некие материальные свидетельства того, что она — жизнь — действительно здесь жительствовала. Таковыми памятниками являются прежде всего храмы, ибо именно они строились из долговечного кирпича, тогда как в домашнем обиходе поселянин обходился деревом.

Введенье

Село Введенье (а точнее — Введеньё, и такое название, чем дальше на север вы будете удаляться от Москвы, тем меньше будет вас удивлять, а там, глядишь, и Успеньё встретите) — старинное торговое село. И как тут не вспомнить Некрасова с его «Кузьминское богатое, а пуще того — грязное торговое село...» (за сомнительную честь быть прототипом Кузьминского, кстати, по сей день спорят несколько сел соседней с Ивановской Ярославской области). Ну, как бы ни было.

Поселение здесь возникло в конце XIV века. Собственно, в историческом контексте уместно говорить о двух селах, раскинувшихся по берегам Молохты. Села эти — Пупки (левый берег) и собственно Введенье (раньше — Введенское) — составляли некогда вотчину князей Горбатых-Суздальских. И, кстати, именно «в казенном селе Пупках», согласно «Владимирскому сборнику» (1857) К. Тихонравова, проходила та самая «знатнейшая» Никольская ярмарка, о коей тот же Тихонравов говорит, что в 1854 году на нее «было привезено товаров и приведено лошадей на 389 280 рублей серебром, и продано на 116 517 рублей серебром».

Историческая «раздвоенность» Введенья подчеркнута наличием в нем двух храмовых комплексов, которые и составляют главный интерес

▶ Об архитектуре комплекса Введенской и Владимирской церквей «Памятники Отечества» сообщают следующее: «Колокольня привлекает внимание своими оригинальными пропорциями: четверик, два восьмигранных яруса и сравнительно невысокий шатер с небольшой главкой напоминают сторожевую башню крепости... Введенская церковь, построенная в 1807 году, представляет собой бесстолпный храм кубической формы с примыкающей к нему трапезной... Рядом другой памятник — Владимирская церковь... Архитектура храма весьма оригинальна. Хотя он и построен в формах позднего классицизма, в его облике угадываются черты архитектуры XVII века».

▲ *Эта фотография сделана в середине XX века с территории Николо-Шартомского монастыря (слева виден четверик и нижняя часть восьмерика колокольни). Вдалеке — Вознесенская церковь с ее характерным для местной архитектуры высоким и узким четвериком, сильно выступающей алтарной частью и тесно составленным пятиглавием.*

▲ *А это Вознесенская церковь в наши дни. Выглядит удручающе, хотя и не безнадежно: к счастью, дело первой необходимости — новая кровля — сделано, то есть дальнейшее разрушение храма остановлено.*

села — помимо, конечно, Николо-Шартомского монастыря. К сожалению, храмы не действуют, хотя и являются монастырскими подворьями. Но на восстановление их после разрухи XX столетия уйдет еще немало сил и времени.

Две церкви на окраине села — Введения во храм Пресвятой Богородицы (холодный, 1807 года постройки) и Владимирской иконы Божией Матери (теплый, построен в 1845 году) — отмечают место некогда стоявшего здесь женского монастыря, основанного в незнаемую пору, затем в первой половине XVIII века существовавшего в качестве приписного к Николо-Шартомской обители, а с учреждением в 1764 году штатов — упраздненного и обращенного в приход. То есть нынешние каменные храмы, а равно шатровая колокольня при них, выстроены уже усердием прихожан.

Пятый выпуск «Историко-статистического описания церквей и приходов Владимирской епархии» (1898) сообщает о Введенско-Владимирском приходе, что в нем «дворов… 268, душ мужескаго пола 1 074 и женскаго пола 1 201 душа; в том числе раскольников: мужескаго пола 7 душ и женскаго пола 11 душ… Причта при церкви положено: священник, диакон и псаломщик (весьма солидно, надо сказать. — *Прим. ред.*)… Дома причт имеет собственные, построенные на церковной земле». Что касается доходов, то их набегало вместе с процентами с церковного капитала, с хлебным сбором и т. п. до 925 рублей. Увы, сейчас подобное чтение — о двух тысячах прихожан и собственных домах причта — лишь растравляет раны.

О другом комплексе — церквей Вознесения Господня и Иоанна Богослова, — относившемся к селу Пупки, «Историко-статистическое описание» рассказывает, что прежде на сем месте находилась деревянная Параскевинская церковь, в 1699 году «волею Божию со всем церковным строением с иконами и утварью» сгоревшая без остатка. Деревянную церковь восстановили с тем же посвящением, а в начале XIX столетия совершилась постройка каменного Вознесенского храма (Пятницкий престол был сделан в нем придельным). В 1843 году прихожане выстроили теплую Иоанно-Богословскую церковь вместо одноименной деревянной, существовавшей с XVIII века. Приход составляли 128 дворов, «душ мужескаго пола 514 и женскаго пола 556 душ». Причта по штату полагалось — священник и псаломщик. Кроме того, сообщает «Описание» и о древних иконах, бывших в Вознесенском храме, — «св. муч. Параскевы», «Скорбящей Божией Матери», «Спаса Нерукотворенного» и т. п. Где они теперь — Бог весть…

▲ *В туманном далеке ярко сияют новой синькой и позолотой главки Успенского храма одноименного монастыря. Ближе к нам — внушительный Благовещенский храм с шатровой колокольней и почти незаметная на его фоне маленькая белая Казанская церковь.*

Дунилово и Горицы

А вот что действительно впечатляет, так это панорама «слитных» сел Дунилова и Гориц. Конечно, наиболее яркими впечатления будут, если посчастливится с погодой, но и родной среднерусский дождичек не помеха. Так, может, даже и «атмосфернее» во всех смыслах получится. Вот у нас, во всяком случае, получилось именно так, и — не жалеем.

Незабвенный В. А. Борисов рассказывает об интересующей нас местности: «Дунилово, по наружному устройству и местоположению своему, весьма хорошее село. Вид его, особенно с западной стороны, из-за реки Тезы, поразительный. В наружном и внутреннем устройстве его явно выражается старина. Некоторые высокие, на подклетах, домы украшены необыкновенною в настоящее время резьбою (коньки и окна). Название Дунилова старожилы производят от слова „дуб" и называют его иначе Дубниловым. В подтверждение сего говорят, что оно построено на месте, где рос дубовый лес. Действительно, и доселе находят много дубовых деревьев в реке Тезе. А некоторые говорят, что на месте села Дунилова стоял некогда идол Дубнило. Таковы предания и басни дуниловцев!.. На правом берегу реки Тезы, напротив Дунилова, на прекрасном и возвышенном месте, находится село Горицы. По местоположению оно и носит свое название. Верхняя часть села, на которой красуются каменные храмы Божии, обведенные каменною обширною оградою, пленительна…»

Именно обилие церквей поражает путника, остановившегося у моста через речку Тезу и имеющего возможность, таким образом, созерцать одновременно Дунилово и Горицы. Впереди, несколько левее, виден ансамбль Успенского женского монастыря с доминирующей в нем церковью Успения Божией Матери (1819) — выразительным памятником классицистической архитектуры, решенным как «ротонда на четверике». Успенский монастырь существовал в Дунилове с конца XVII века, будучи основан владельцем села боярином Федором Лопухиным, отцом «опальной» царицы Евдокии. Самостоятельно обитель существовала недолго: в 1725 году ее приписали к Архангельскому монастырю Юрьева-Польского, затем — к Николо-Шартомскому монастырю. А в 1764 году и вовсе упразднили, передав все имущество соседнему Благовещенскому монастырю. Каменное строительство на территории бывшего монастыря относится, таким образом, уже к приходской эпохе. «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии» упоминает, что

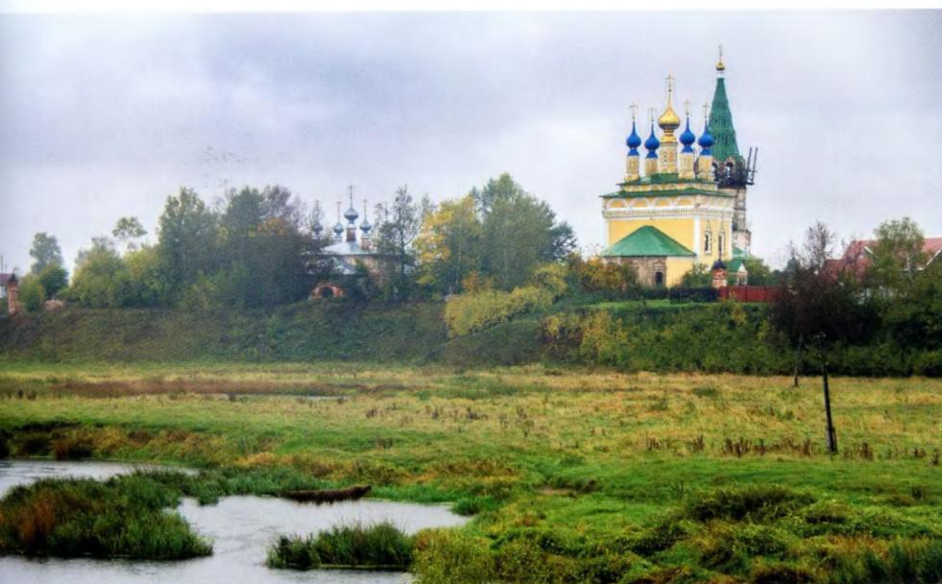
приход Успенской церкви был единоверческим. Сейчас монастырь возрождается как женский.

Благовещенский же монастырь, расположенный буквально в двух шагах, ближе к мосту через Тезу, теперь, напротив, приписан к Успенскому (к нему же приписан и комплекс Покровской и Всехсвятской церквей XVII—XIX веков). А на деле — он гораздо старше его. Хотя документов, где указывалось бы время его основания, не сохранилось, но уже одно то, что его соборный храм был освящен в 1675 году, кое-что значит. В 1764 году монастырь прекратил свое существование, обратившись в приход. А прихожане уже в 1888 году построили рядом с холодной Благовещенской церковью теплую — в честь любимой всеми Казанской иконы Божией Матери. Согласно «Историко-статистическому описанию», в Благовещенской церкви хранились небезынтересные древности — в частности, «медное с двуглавым орлом паникадило», вложенное бесчастной Евдокией Лопухиной (монахиней Еленой). Приход составляли 452 двора с более чем 3 000 душ обоего пола.

К Благовещенскому храму, по тому же «Описанию», была приписана Крестовоздвиженская церковь на торговой площади села (почти у самого моста), воздвигнутая в 1821 году «из каменной часовни, сооруженной по случаю холеры, свирепствовавшей в селе в 1654 году. В 1870 году церковь была расширена на средства купца Балина. Колокольня при церкви построена в 1867 году, а ограда — в 1871 году, средствами того же купца Балина».

Обратим теперь взгляд за реку, где друг подле друга стоят два изящных образчика отечественной архитектуры — церковь Рождества Пресвятой Богородицы 1762 года постройки (холодная, побольше) и церковь Вознесения Господня 1800 года (теплая, поменьше).

Горицы имеют происхождение весьма древнее, едва ли уступая Введенью и Пупкам. На своем веку селу пришлось пережить немало превратностей, в особенности же оно пострадало от «нашествия Литовцев», душераздирающий рассказ о чем донесла до нас «допросная сказка» 1616 года. «В 124 году, перед Николиным днем, зимним, за неделю, — эпически начинается эта «сказка», — пан Лисовский шел со многими Литовскими людьми и Русскими воры от Костромы и стоял в селе Горицах два дни». А стояли так: «Из житницы боярской хлеб вытравили, и животину всякую приели, и крестьян в Горицах и в деревнях многих присекли, и недорослей многих в полон поимали, и крестьянские лошади пограбили, и хлеб и сено потравили, и животы, остатки крестьянские, пограбили, и дворы крестьянские пожгли…»

▼ *Комплекс церквей Рождества Богородицы и Вознесения Господня (Горицы).*

▲ *Крестовоздвиженская церковь на торговой площади Дунилова.*

Вернемся, однако, к нашим храмам. В главном из них, Богородице-Рождественском, как следует из «Историко-статистического описания», хранилась до революции «древняя, особенно чтимая прихожанами, икона Рождества Пресвятыя Богородицы, по преданию, писанная с подлинника, находящегося в Переславском (Залесском) Горицком монастыре». Из иных здешних достопамятностей несомненный интерес представляла бархатная священническая риза — вклад архиепископа Нижегородского Питирима (1665—1738), объясняемый довольно просто: преосвященнейший появился на свет в Горицах (в старообрядческой, между прочим, семье).

К концу XIX века в приходе Богородицко-Рождественской церкви числилось 145 дворов и около тысячи душ обоего пола. Сейчас храм действует, будучи приписан к дуниловскому Успенскому монастырю.

Старец Иоаким

Преподобный Иоаким Шартомский — один из тех немногих русских иконописцев, которые были причислены к лику святых. В этом славном ряду он стоит рядом с преподобными Алипием Киево-Печерским и Андреем Рублевым.

▲ *Икона преподобного Иоакима Шартомского.*

Восстановить подробности земного пути преподобного Иоакима Шартомского, подвизавшегося в Николо-Шартомском монастыре в первой половине 1620-х годов (это один из немногих несомненных фактов его жизни, подтвержденных документально), довольно затруднительно.

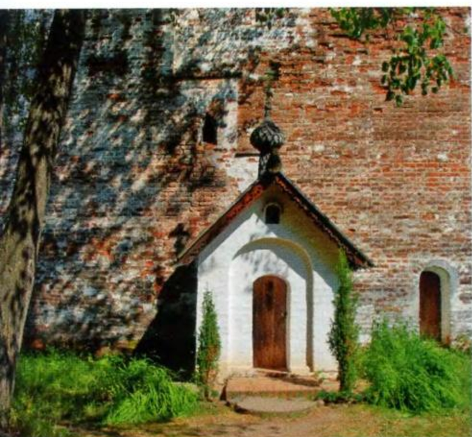
Главным источником сведений о святом является «Историческое собрание о граде Суждале», созданное в середине XVIII века ключарем суздальского Богородице-Рождественского собора Ананием Федоровым и опубликованное в 1855 году во «Временнике Московского общества истории и древностей российских». Но повествование А. Федорова — в том, что касается преподобного Иоакима, — начинается с 1620-х годов, то есть со времени, когда святой, кажется, уже получил широкую известность как выдающийся изограф.

О первых же его шагах на подвижническом пути известно лишь из рукописного Месяцеслова 1650-х годов, составленного келарем Троице-Сергиева монастыря Симоном Азарьиным, где преподобный Иоаким назван одним из учеников старца Иринарха Ростовского, бывшего насельником Борисоглебского монастыря под Ростовом Великим. Преподобный Иринарх долгие годы жил в строгом затворе, приковав себя к стене кельи цепью, носил на себе множество пут, оков и крестов… Именно он прислал в 1612 году князю Дмитрию Пожарскому свое благословение и велел не мешкая идти на Москву. Преподобный отошел ко Господу в 1616 году, и Житие святого называет лишь двух учеников, присутствовавших при этом, — Александра и Корнилия. А что же Иоаким? Некоторые исследователи, основываясь на его отсутствии при кончине преподобного Иринарха, отрицают его ученичество у этого подвижника, с осторожностью допуская их зна-

комство в эпоху Смуты; другие же предполагают, что к этому времени иконописец, возросший близ святого затворника, просто уже покинул Борисоглебский монастырь.

В Шартомском монастыре

В отдаленные шуйские пределы преподобного Иоакима повлекло из «шумной» Ростовской земли желание уединенной жизни — так считал священник Николай Миловский, автор составленного в новое время жизнеописания святого (1883 год). Но появиться здесь он вряд ли мог ранее 1619 года, так как именно в этом году литовцы и казаки разорили Шартомскую обитель и вырезали ее насельников. Этим же годом, кстати, датируется первая из известных Иоакимовых икон (Кипрская икона Божией Матери, отвезенная в Шую). При этом документально подтверждается, что в 1622 году преподобный подвизался в этих местах. Согласно Ананию Федорову, в обители Иоаким поражал всех подвижническими подвигами, носил вериги, «житие

▲ *Келья преподобного Иринарха Ростовского в Борисоглебском монастыре.*

проходя затворническое, пребывая присно в келлии своей, ни камо же исходя, ища своего спасения многую добродетель творяше, и тою Богу благоугождаше, непрестанно же в вечер, утро и полудень в молитве пребываша и тою единому Богу беседоваше». Господь за это наградил Своего угодника даром прозорливости, чему есть конкретные подтверждения в жизнеописании святого. Иконы же он писал лишь в качестве отдыха от молитвенных трудов, то есть иконописание отнюдь не было для него основным занятием.

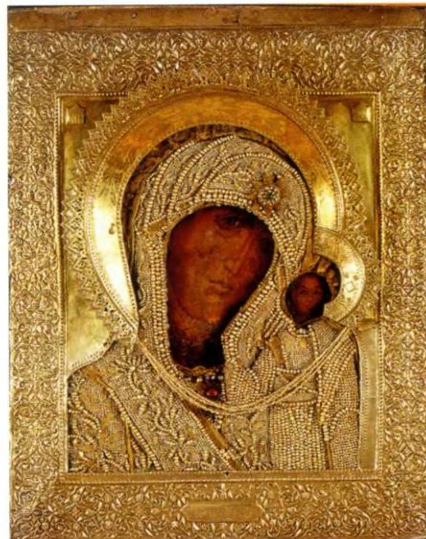
В Суздале

В 1625 году преподобный Иоаким удостоился видения Божией Матери, повелевшей ему «новоявленный свой образ, иже явися во граде Казани, преписати, и списав повеле ему послати во град сей Суждаль поставити во святей церкви Воскресения Господа нашего Иисуса Христа». Святой исполнил веление, и по прошествии некоторого времени весь

Вязниковская Казанская икона Божией Матери

Четыре чудотворных образа определяются — с разной степенью доказательности — как написанные преподобным Иоакимом Шартомским. Это: Казанская икона Божией Матери, пребывавшая в суздальской Воскресенской церкви; Казанская икона Божией Матери, пребывавшая в Шартомском монастыре; Кипрская икона Божией Матери, пребывавшая в Спасском храме Шуи (взорван в 1930 году); так называемая Вязниковская Казанская икона Божией Матери. Первые три из них не пережили большевистского разгрома; их следы в советское время затерялись, и ныне они считаются утраченными.

Вязниковская Казанская икона Божией Матери имеет сравнительно небольшие размеры — 52 × 41 см.

Заказчицами Вязниковского образа выступили около 1622 года княжна Ирина Мстиславская (в монашестве Александра) и княгиня Доминикия Мстиславская (в монашестве Ирина), сестра и вдова только что скончавшегося князя Федора Ивановича Мстиславского, виднейшего государственного деятеля эпохи Смуты. Икона предназначалась для основанного Ириной и Доминикией в Вязниках монастыря.

Вязниковский Казанский собор (в центре) был разрушен большевиками в середине 1930-х годов — одновременно с Никольским теплым храмом (слева) и колокольней.

Вскоре после доставления Казанского образа в Вязники от него стали происходить многочисленные исцеления «приходящим с верою». Сведения о чудотворениях быстро добрались до Москвы; по указу государя Михаила Феодоровича и благословению Патриарха Филарета назначили специальную комиссию для освидетельствования чудес, которая прибыла в Вязники в октябре 1623 года. Прямо при членах комиссии 13 октября пришел в себя долгие годы «умом поврежденный» дьячок Иродион и обрела зрение слепая на один глаз крестьянка Ксения Семенова. В 1640 году паломничество к вязниковской святыне совершил царь Михаил Феодорович, всего же к 1703 году было записано около 270 исцелений по молитвам пред Казанским образом. В 1670—1674 годах для хранения чудотворной иконы в Вязниках воздвигли красивейший Казанский собор. С 1892 года с иконой ежегодно устраивался крестный ход вокруг города. Разумеется — до советского шабаша.

По закрытии в феврале 1929 года Казанского собора (его уничтожили в 1935 году) святыню сберегали прихожане. Во время Отечественной войны, после известной встречи Сталина с тремя иерархами Русской Церкви, в Вязниках открылся Крестовоздвиженский храм, куда и поместили спасенный чудотворный образ. Там он пребывает поныне.

Суздаль радостно встречал икону Пресвятой Богородицы. От образа этого произошло множество исцелений, и узнавший о том Патриарх Филарет приказал святителю Арсению Элассонскому, архиепископу Суздальскому, «о бывающих чудесех прилежно и достоверно испытати», — архипастырь подтвердил произошедшие чудотворения. Вскоре и преподобный Иоаким переселился в Суздаль (есть, впрочем, версия, что он сам принес написанную им икону в город). Святитель Арсений Элассонский, выдающийся книжник и знаток иконописи, с любовью относился к шартомскому изографу, но, увы, святой Иоаким недолго пользовался расположением к нему архиерея.

Архиепископ Арсений умер в том же 1625 году, и Суздальскую кафедру занял выходец с Украины Иосиф (Курцевич). В годы его архиерейства суздальцы чувствовали себя ужасно; во всяком случае, добрым словом они его никогда не поминали. Архиепископ Иосиф оказался мздоимцем, расставил на командные должности в епархии своих родственников, творил и другие непотребства, о коих «срамно есть и глаголати». Судя по всему, преподобный Иоаким решительно обличил все эти недостойные дела и в результате оказался сослан в Соловецкий монастырь.

▲ *Соловецкий монастырь. Литография 1870-х годов.*

На севере он оставался до 1634 года, когда, уже при новом Патриархе, Иосиф (Курцевич) по расследовании его преступлений и скандальном извержении из сана сам угодил на Соловки. После этого святой Иоаким вернулся в Суздаль и обосновался в избушке рядом с Воскресенским храмом, где пребывала написанная им чудотворная Казанская икона Божией Матери. Дата кончины преподобного неизвестна, но, вероятнее всего, совершилась она в скором времени.

Погребли его тут же, возле храма. Деревянный храм сгорел в 1719 году, и когда в 1728 году на его месте строили каменную церковь, при устройстве фундамента обнаружили «целым и невредимым» гроб святого. Гроб решили не трогать, лишь обложили его камнем. Здесь под спудом и почивают мощи Божьего угодника.

▼ *Воскресенская (слева) и Казанская (справа) церкви в Суздале.*

«Любовь моя к древности...»

Первые документы, касающиеся истории Николо-Шартомского монастыря, опубликовал в середине XIX века В. А. Борисов. Владимир Александрович, с трудов которого берет начало шуйское краеведение, был человеком удивительной судьбы.

На протяжении XVIII столетия русское образованное общество, глядевшее исключительно на Запад, старательно забывало, откуда оно родом, — но на рубеже XVIII—XIX веков, с открытием ряда древних памятников русской культуры и последовавшим за этим титаническим трудом Н. М. Карамзина по составлению подробнейшей истории государства Российского, в России вспыхнул интерес к допетровским временам. В 1804 году в Москве было создано Общество истории и древностей российских, исторические сюжеты (по необходимости «романтизированные») заполонили отечественную литературу и живопись, журналы увлеклись историческими исследованиями. Вскоре в этот процесс оказалась вовлечена и провинция — всюду появлялись неравнодушные люди, влюбленные в российскую «древность» и занявшиеся соответствующими «изысканиями». Не была исключением и Шуя — здесь появился свой местный «историк»: им стал выходец из купеческого сословия Владимир Александрович Борисов.

▲ Памятник коробейнику в Ростове-на-Дону. «Коробейничеством» промышляли дед и прадед Борисова.

▲ Портрет Владимира Александровича Борисова.

Происхождение

Иногда в биографических статьях, Борисову посвященных, говорится о том, что купцы Борисовы торговали по всей стране уже чуть ли не при Петре I. Однако достоверно известно, что семья выкупилась из крепостной зависимости лишь в 1765 году, тогда же записавшись в купечество города Гороховца. Впрочем, действительно, и прадед, и дед Владимира Борисова торговали — но, во-первых, никак не при Петре (прадед родился в 1724 году), а во-вторых, простыми разносчиками, в просторечии — «коробейниками». Торговля, видимо, шла успешно, что позволило им собрать некий начальный капитал для открытия большого дела. Нам, правда, сейчас интереснее другое — оба они весьма интересовались книгами и в своих скитаниях доставали их где только могли, а где не могли — так собственноручно переписывали

то, что их занимало. В семье, например, хранились два переписанных дедом нашего героя объемных хронографа. Получается, что Владимир Александрович в некотором смысле унаследовал свою влюбленность в «древность».

▲ *Ратуша и торговые ряды в Шклове, где некоторое время жил будущий шуйский краевед.*

Самоучка

Родился он в 1809 году под Гороховцом, но уже годовалым ребенком был перевезен в село Горицы Шуйского уезда, поблизости, кстати, от Шартомского монастыря. Это село с Дуниловым образует практически один населенный пункт, их разделяет лишь река Теза. Почему в Горицы? Дело в том, что в это время семья лишилась главы, и безутешная вдова Акулина Егоровна, купеческая дочь, рассчитывая на помощь родственников, отправилась в родное село. В своих надеждах она не обманулась, получив в 1823 году по завещанию от бездетной сестры богатое наследство. На полученные деньги Акулина Егоровна завела бумажно-ткацкую фабрику, но вскоре скончалась, и дело возглавил ее старший сын Петр.

◀ *В 1847 году В. А. Борисов был награжден серебряной медалью «За усердие».*

Здесь, в Горицах, Владимир Борисов научился читать-писать, а потом окончил приходское училище в соседнем Дунилове. Собственно, это и было все его образование, дальше пришлось помогать старшему брату. С 1823 года, в течение десяти лет, Владимир Александрович, в связи с семейной коммерцией, большей частью жил в Белоруссии; известно, что в 1831 году, во время холерной эпидемии, он являлся смотрителем больницы в Шклове. Однако приходилось по делам ездить и на родину, где он в 1832 году познакомился со священником Михаилом Диевым, «известным и почтенным нерехотским историком и археологом, — как отмечал позже сам Борисов, — которому я обязан многими практическими наставлениями в моих литературных занятиях». Истинный внук и правнук своих деда и прадеда, Владимир Борисов, усердно читавший «Московский телеграф» Н. Полевого с его исторической «направленностью» и давно подробно перебравший семейный архив, к этому времени уже не на шутку увлекся отечественной историей и, почувствовав в себе исследовательскую жилку, занялся собиранием исторических документов.

Писатель

В 1836 году семейное дело рухнуло. Владимир Александрович записался в мещане и переехал вместе семьей, которой уже обзавелся, в Шую. До 1846 года он работал приказчиком на заводе своего троюродного брата М. С. Посылина, а позже организовал собственный камедный заводик, дававший — пусть и скудные! — средства к существованию. Самое же главное, эти средства позволили Борисову полностью отдаться любимому делу — историческим изысканиям.

105. Челобитная Царю Алексею Михайловичу Шартомского монастыря Архимандрита Савватия 1668 года на крестьян, принадлежащих вотчине монастырской

...Твое Великого Государя Царское богомолье дом Чудотворца Николы в оскудении и нестроении, а они вотчинные крестьяне мне богомольцу твоему чинятся не послушны и монастырской земли и покосов завладели шестнадцать пустошей своею дерзостью безъоброчно, да они ж, Государь, вотчинные крестьяне... пришли на монастырь большим собранием к кельишке моей, и меня богомольца твоего бранили всякою неподобною скаредною бранью, сказывают, за то, что де ты хочешь бити челом Великому Государю, чтоб де у нас землю сметити и окладом обложить против прочих монастырей, и мы тебя скорее обложим, чтоб тебе головы не потерять...

Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к Описанию г. Шуи и его окрестностей. Собраны соревнователем Императорского Московского общества истории и древностей российских Владимиром Борисовым. — М., 1853

▲ *Шуя на дореволюционной фотографии. В этом городе В. А. Борисов прожил четверть века.*

Первые публикации Борисова относятся к 1836—1837 годам. С 1838 года, когда стали выходить «Владимирские губернские ведомости» (а Шуйский уезд тогда входил в состав Владимирской губернии), он являлся постоянным автором этой газеты. Охотно печатали его также московские и петербургские издания. У Владимира Александровича был удивительный — хочется сказать, врожденный — нюх на древние памятники; они словно сами шли к нему в руки. Его неутомимый труд оказался замечен местными властями; владимирский губернатор разрешил Борисову работать в шуйских архивах, по губернаторскому же представлению шуйский краевед в 1847 году был награжден серебряной медалью «За усердие».

В 1851 году вышло из печати главное сочинение В. Борисова «Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов» — разумеется, с эпиграфом из Николая Полевого: «Трудно даже исчислить все те места, где сердцу русскому хотелось бы излиться в молитве, уму русскому погрузиться в прошедшее...» В предисловии к книге автор объяснял: «Главною побудительною причиною сего труда была любовь моя к древности и желание сохранить от тления, для будущих историков и потомства, то, что мною найдено и описано...» Нашлось в книге место и историческому очерку Шартомского монастыря. Однако бо́льшая часть имевшихся у Борисова документов осталась неопубликованной, и спустя два года он издал — к сожалению, тиражом всего 140 экземпляров! — «Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к Описанию г. Шуи и его окрестностей», куда включил 212 документальных памятников, снабженных примечаниями и справочным аппаратом. Этими материалами пользовались в своей работе известнейшие историки, в том числе Н. Костомаров и С. Соловьев. По некоторым сведениям, познакомившийся с книгами Борисова цесаревич Александр Николаевич, вскоре ставший императором Александром II, даровал скромному шуйскому «заводчику» бриллиантовый перстень. В 1858 году Владимир Александрович получил звание личного почетного гражданина.

Несмотря на широкое признание, закат жизни Борисова вышел печальным. После неудачной сделки и пожара, сильно повредившего его дом, он впал в форменную нищету. В январе 1862 года выдающийся краевед умер. По его кончине Владимирский губернский статистический комитет просил «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» помочь оставшейся совершенно без средств вдове В. А. Борисова.

«Все здесь было бы мертвым...»

За истекшую четверть века в России восстановлено множество монастырей. Иные из них теперь весьма значительны — как по численному составу братии, так и по масштабам хозяйственной деятельности. Необходимо помнить, однако, что монастырь — это не сельскохозяйственное, не производственное предприятие, что суть монашеской жизни состоит в стяжании молитвы, в поиске «единого на потребу» — Царства Божия. А все остальное, как обещал Господь, приложится.

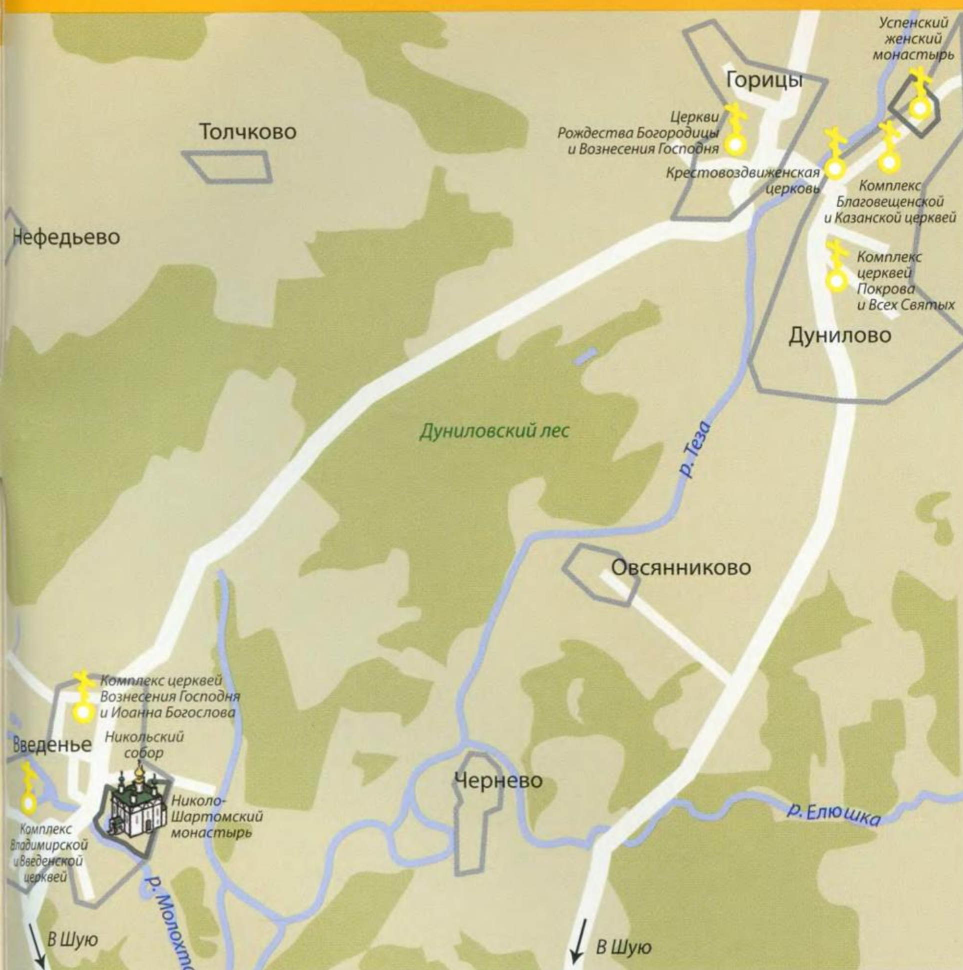
Первые насельники появились в возрождаемом Николо-Шартомском монастыре в 1990 году. И храмы, и иные здания обители пребывали в полуразрушенном состоянии, поэтому братия поселились в строительном вагончике. И принялись, «Богу содействующу», за дело. Надо сказать, что возрождение монастыря многие окрестные жители восприняли с большим одушевлением. Приносили старинные иконы, сохранявшиеся у них дома, продукты, вещи, помогали собственными трудами.

И в этой поддержке, и в том «третьем дыхании», которое открывалось, когда уже и второе заканчивалось, несомненно чувствовалось присутствие Божие — «Господь пасет мя и ничтоже мя лишит», по слову псалмопевца. Впоследствии наместник монастыря архимандрит (а теперь епископ) Никон (Фомин) вспоминал: «Все здесь было бы мертвым, пустынным без помощи Божией, которую братия и я ощущали каждый миг».

В будущем году Николо-Шартомский монастырь отметит четверть века своего возрождения. Кажется — только вчера все начиналось, и вот уже прошла, по человеческим меркам, значительная часть жизни. Монастырь возрос, став крупнейшим в Ивановской области (число братии, включая служащих на многочисленных подворьях, — около ста человек). Храмы восстановлены и

В 1993 году возрождающийся монастырь посетил Святейший Патриарх Алексий II. Слева от Патриарха на фото архимандрит Никон (Фомин), наместник монастыря.

◀ *9/22 мая в монастыре престольный праздник — Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари.*

освящены. Монастырское хозяйство смело можно назвать «образцово-показательным»: ферма, пасека, огород, птичник — все содержится в исключительном порядке. Функционируют многочисленные мастерские, где насельники несут послушания сообразно своим способностям.

Но, конечно, монастырь — не колхоз, и главное в монашеской жизни отнюдь не урожаи и надои, а — «единое на потребу». «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6, 27). Ежедневно в монастыре совершается Божественная литургия, приносится Бескровная жертва «о всех и за вся». Да и ведение хозяйства осмысливается монашествующими как служение, один из способов исполнить замысел Божий о человеке. Цитируем с монастырского сайта: «Сам уклад крестьянского (христианского) хозяйства — братский труд, близость к земле, молитвенное прошение об урожае — во многом близок устоям монашеской жизни; в нем особенно ощущается Божий Промысел о человеке».

Справочная информация

Божественная литургия в Николо-Шартомском монастыре служится ежедневно, в 6:45. Вечернее богослужение — в 16:45. В воскресные и праздничные дни начало литургии — в 7:30, накануне всенощное бдение в 17:00. Священноархимандрит Николо-Шартомского монастыря — епископ Шуйский и Тейковский Никон (Фомин). Наместник — игумен Филипп (Понамарчук).

Контакты

Адрес: 155921, Россия, Ивановская обл., Шуйский р-н, с. Введенье, ул. Штатная, 19
Телефон/факс: +7 (49351) 2-44-34
Сайт монастыря: www.nikoloshartom.ru

Как добраться

Конечно, отправляться в Николо-Шартомский монастырь, по его не то чтоб удаленности, но общественно-транспортной малодоступности от больших городов с железнодорожными и автовокзалами, уместно на машине. Или в составе некоей автобусной группы паломников. Совет автомобилистам: едучи со стороны Иванова по шоссе Р80, километров через двадцать с небольшими копейками (расстояние считаем от железнодорожного моста на выезде из города) поворачивайте направо на Котюрево, Горицы и Дунилово. А от Гориц (тут главное мост через Тезу ненароком не переехать) рукой до Введенья подать, около пяти километров. Если выезжаете из Шуи, держите путь по Северному тракту на Захарово и Чернцы. До Введенья по этой дороге — чуть меньше двенадцати километров.

▲ *В Лазареву субботу.*

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Иоанно-Предтеченская церковь, Соликамск

Иоанно-Предтеченская церковь в бывшем Красном селе — самый отдаленный от центра города, но и один из самых интересных памятников богатого старинными храмами Соликамска. Церковь отличается внушительными размерами и тонкой отделкой. Уже почти три столетия ее стройный силуэт встречает приезжающих в этот древнейший на Урале город.

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!

16+